

§ 46.

Изъ изложеннаго вытекаетъ, что при оцѣнкѣ угрозъ слѣдуетъ становиться на субъективную точку зрѣнія угрожаемаго. На это прямо указываетъ Австрія (99), требуя для наказуемости угрозъ, чтобы онѣ могли возбудить основательное опасеніе въ угрожаемомъ, въ виду его отношеній и личнаго расположенія. Поэтому Шварце (Commentar, 1871, p. 579) и германская юриспруденція (Rüdorff, Strafgesetzbuch f. d. deut. Reich, 3 Aufl., p. 538; Blum, Strafgesetzbuch, § 241, н. 4) ошибочно объясняютъ общее постановленіе § 241 кодекса германской имперіи („кто другому угрожаетъ совершеніемъ преступленія [Verbrechen]”), допуская наказуемость угрозъ даже тогда, когда угрожаемый не считалъ ихъ серьезными, но могъ ихъ считать таковыми. Такой объективный взглядъ можно бы признать основательнымъ, если бы угрозы имѣли характеръ нарушающихъ общественную безопасность, т. е., если бы онѣ касались данной мѣстности, а не отдѣльных лицъ.

Очевидно, что субъективнаго взгляда нельзя распространять до того, чтобы единственно основываться на заявленіи угрожаемаго. Судья, какъ справедливо замѣчаетъ Бенцъ, авторъ и комментаторъ цюрихскаго кодекса 1870 г. (Strafgesetzbuch für Zürich, 1871, стр. 91), долженъ, по обстоятельствамъ даннаго случая, опредѣлить, имѣлъ ли угрожаемый достаточное основаніе къ опасенію; поэтому угрозы ненаказуемы, хотябы угрожаемый заявилъ, что онъ считалъ оныя серьезными, если исполненіе ихъ было невозможно, или если обстоятельства, при которыхъ онѣ были сдѣланы, устраняли всякую возможность предполагать, что онѣ сдѣланы серьезно.